

18+

Ирина Мутовчийская

ЗДЕСЬ ХОДИТ СМЕРТЬ

Вам нравится чердак? Или подвал?

Ирина Мутовчийская

**Здесь ходит смерть. Вам
нравится чердак? Или подвал?**

«Издательские решения»

Мутовчийская И.

Здесь ходит смерть. Вам нравится чердак? Или подвал? /
И. Мутовчийская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700855-6

Эта книга о старухе-духе, которая питается страхом, жадностью, чужими грехами, превращая их в свою вечную трапезу. Постепенно раскрывается её закон: она не трогает тех, кто живёт по-честному и по-людски. Каждая история приближает к тёмной грани, где слова уже не просто слова, а тени, что шепчут в комнате ночью. Голодный дух здесь — не просто персонаж, а мрачное напоминание, что всё, что мы делаем в обход совести, оставляет после себя еду для тех, кто ждёт в тишине стен.

ISBN 978-5-00-700855-6

© Мутовчийская И.
© Издательские решения

Содержание

Вступление в проклятый дом	6
Становится очень тихо	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Здесь ходит смерть Вам нравится чердак? Или подвал?

Ирина Мутовчийская

*Вам больше нравится чердак или подвал? А может, вы готовы
заключить договор с голодными духами?*

Куплю квартиру без посредников! Тут ходит Смерть-Гу Хун!

© Ирина Мутовчийская, 2026

ISBN 978-5-0070-0855-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление в проклятый дом

Риелтор стояла в полутёмном коридоре ветхого дома на окраине Владивостока — старого купеческого особняка, пережившего войны и революции, пропитанного не только плесенью, но и шепотом древних проклятий. Воздух был тяжёлым, как в заброшенном храме, с привкусом ладана и гнили. Фонарь в его руке дрожал, отбрасывая длинные тени, которые извивались по стенам, словно голодные черви, тянущиеся к свету. Говорили, этот дом построили в эпоху Цин, когда китайские купцы привозили сюда контрабанду — и не только шелк, но и запретные ритуалы изгнания гу хун, духов, вечно алчущих ци живых.

— Прошу прощения, но возможно ли всё же поселиться на этаже?

— К сожалению, все квартиры заняты. Остались только чердак и подвал, да, они пока свободны. Подвал особенно хорош — там тихо, влажно, как в могиле предков.

— Я... Нет... Вы меня не поняли...

— Хорошо, хорошо. Поймите, это временно. Жиличка из триста первой квартиры скоро отправится в путь. Врачи уже отказались её оперировать, говорят, что слишком поздно! Её ци угасает, и гу хун заберёт остатки. Квартира скоро освободится. (Его глаза блеснули в полумраке, а за спиной послышался далёкий, еле уловимый скрежет — как когти гу хун, царапающие барьер между мирами. Запах усилился: сладковато-гнилостный, как разлагающийся рис в забытой чаше.)

— Что вы мне рассказываете?! Я что, по-вашему, хочу чьей-то смерти?

— Тише, здесь нельзя произносить это слово — оно притягивает их, голодных духов. Вы что, договор о найме не читали, когда подписывали? Там мелким шрифтом: «Согласие на обмен ци с гу хун в случае неуплаты».

— Да я его ещё и не подписывал. Что? Да, я его читал, но не внимательно. Он же типовой?

Шепот гу хун и первый стук

— Что? (прислушивается, замерев; эхо шагов наверху затихло, но тишина стала гуще, давящей, как паутина предков)

Говорю, договор типовой? Да... Нет...

Так да или нет?

— Не кричите так! Вам мало, что разбудили её? (шепотом, оглядываясь в темноту коридора, где тени сгустились в подобие сгорбленной фигуры с клюкой — старухи-гу хун, чьи глаза горят зелёным голодом)

— Кого? (тоже начинает шептать, голос дрожит) Вашу маму?

— Нет. Вы разбудили... Вы смеётесь надо мной? Её, Хозяйку Дома, гу хун, что скитается здесь с Цинских времён. Она не ест еду — она жрёт ци жильцов, высасывая жизнь через стук своей костяной клюки.

— Нет, что вы, просто хотел, чтобы вы улыбнулись! Вы такая хорошенькая, когда улыбаетесь! (Но улыбка вышла кривой, а в глазах мелькнул ужас — он увидел, как риелтор бледнеет, уставившись за его спину, где тень шевельнулась с хриплым вздохом.)

— Да о чём вы вообще говорите?! Вы слышите? (пытается отдышаться, но от страха дыхание сбивается; сердце колотится так громко, что заглушает всё остальное, а в горле першит от пыли веков)

— Нет. Я ничего не слышу.

— Ну как же...

— А, теперь слышу. Кто-то стучит молотком! У вас в доме кто-то делает ремонт? (повышает голос) в таком случае, я отказываюсь платить полностью арендную плату. (Стук отозвался

эхом — тяжёлый, ритмичный, как удары судьбы, но с подтекстом: тук-тук — «открой», тук-тук — «отзовись», и с каждым разом ближе, вибрируя в костях.)

— Ну почему вы так громко кричите? Это опасно в нашем доме! Гу хун чувствует громкие голоса — они для неё как зов на пир.

— Почему?

— Если вы... О, Господи, она совсем близко! Надо прятаться! (Риелтор схватила клиента за рукав, её пальцы были ледяными, как когти духа, а в воздухе запахло не только сыростью, но и прогорклым маслом ламп для ритуалов таоистов.)

— Что такое? Куда вы меня тащите?

— Это не молоток и не ремонт. Это она идёт — Хозяйка, гу хун в облике старухи. Она громко стучит клюкой из кости младенца, чтобы кто-то отозвался на её стук. Тогда она приходит за этим человеком, высасывая его через рот, оставляя мумию! (Стук усилился, теперь он вибрировал в стенах, и пол под ногами задрожал, словно дом просыпался от векового голода.)

— Я отказываюсь... а почему стало так темно? (Тьма сгустилась внезапно, поглощая свет фонаря; холодный пот стекал по вискам, а в ушах звенело эхом стука.)

— Она близко. Вы закричали, отозвавшись на её стук. Её тень уже ползёт по стенам. (Из темноты донёсся шорох — будто лохмотья старухи волочатся по паркету, оставляя следы чёрной слизи.)

— Да что здесь происходит???

— Ещё немного! Да помогите же мне открыть эту дверь на чердак! Она опять разбухла от влаги — от слёз тех, кого она забрала!

— Сейчас! Вот так! Это чердак? Я здесь должен был жить? (Чердак встретил их пылью веков, паутиной с высохшими личинами и сквозняком, несущим шепот мёртвых имён на смеси русского и маньчжурского.)

Появление старухи-гу хун

— Да. Нам нужно выбраться через чердак на крышу.

— Вы с ума сошли? Моя противовирусная маска осталась в машине. Я не могу без неё выйти на улицу. (Ветер завыл в щелях, неся с собой далёкий плач — или это был голодный вой гу хун?)

— Тогда вы умрёте. Вам нельзя оставаться здесь. Выбирайте: смерть от её руки или смерть на воздухе! (Стук теперь был прямо под дверью — тук-тук-тук, как сердцебиение умирающего, и дверь задрожала, выпуская волны холода.)

— А почему... Мне этот вопрос только что пришёл в голову. Почему вы спасаете меня? Я вам понравился?

— Вы отвратительны!

— Так почему?

— Вы так и не заселились. Если бы вы подписали договор и дали согласие на проживание в подвале или на чердаке, и камера зафиксировала бы ваше согласие, то мне было бы всё равно, что станет с вами дальше. Тем более, что вы очень неприятный тип на самом деле. Договор — это печать, связывающая вашу ци с гу хун. Без неё вы ещё «живой», посторонний.

— Допустим. И что это меняет?

— Сейчас вы посторонний. Если вы умрёте... Если вы уйдёте с ней, то сюда придёт полиция. А по правилам договора... Боже, стук так приблизился! Что делать? (Клюка ударила в дверь внизу — громко, требовательная, и дом застонал в ответ, как жертва ритуала.)

— Вы пойдёте со мной на крышу?

— Я? Почему? Это вам надо спастись, меня она не тронет. Во всяком случае, пока — я ношу амулет с талисманом Чжун Куй, истребителя духов.

— Я не сдвинусь с места, если вы не дадите согласие!

— Хотите, чтобы мы умерли... ушли вместе?

— Да, я думаю, что уже поздно. Она стучит в дверь чердака клюкой. (обречённо; стук теперь был у самого порога — медленный, вязкий, будто кость скребёт по сырому дереву, и вместе с ударами слышится влажное, чавкающее дыхание)

— Вы должны открыть! Зря вы подперли дверь этим сундуком — в нём талисманы от гу хун, но она их чувствует. Всё равно придётся открывать дверь.

— Даже не подумая. Зачем мне это?

— Но тогда... Как вы можете? Вы же понимаете, что тогда она заберёт того, кто стоит сейчас с вами рядом, то есть меня!

— А мы не откроем!

— Тогда она заберёт мою семью! Их ци потянет сюда, как нитью — она всегда добывает долг! Вы должны открыть!

— И не подумаю! Если задуматься, то я избежал страшной смерти, не успев подписать договор и заселиться. Девушка, вы хотели меня обмануть! Это не честно! Вы такая красивая... А... Ну зачем это вам? Я так понимаю, что стоило мне стать частью вашего дома, и вы ни за что не стали бы меня спасать от опасности. Вам было бы всё равно?

— По правилам арендного договора... Он связан с древним проклятием — дом построен на месте, где удерживали гу хун, но печати сорваны.

— Блин! (кричит) Да хватит вам про договор! Не боюсь я вашей, как её там...

— А кстати, как её зовут?

— Вы чудовище! (плачет) Я не буду произносить её имя — оно завершает призыв! Называйте её как хотите! Боже, дверь открывается! (Доски начинают выгибаться внутрь, будто их толкают не снаружи, а из самой тьмы между мирами; щель наполняется тусклым зелёным светом)

— Как это может быть? Я же захлопнул её и подпер!

— Бежим!

— Нет, подождите! (замирает) Вы чувствуете? Воздух... он стал густым...

(Дверь распахивается сама — медленно, со скрипом, который больше похож на стон. В проёме стоит она.)

Старуха-гу хун не входит — она просачивается внутрь, как дым.

Её тело — высохшее, скрюченное, как корень старого дерева. Кожа натянута на кости, серо-жёлтая, растрескавшаяся, будто пересушенная земля. Из трещин сочится тёмная влага.

Глаза — провалы, в которых мерцает тусклый зелёный огонь, как болотные огни, ведущие путников к гибели.

Рот медленно раскрывается — слишком широко, не по-человечески. Внутри — темнота, и в этой темноте шевелятся тени, словно там не пустота, а целый рой голодных духов.

Её клюка касается пола.

Тук—

От звука у обоих закладывает уши.

Тук—

Сердце сбивается с ритма.

Тук—

И вдруг становится ясно: это не звук в воздухе. Это стук внутри головы.

— Она... смотрит на меня...

(Старуха наклоняет голову. Слышится хруст — как будто ломаются позвонки.)

— Ци... — шепчет она, но губы почти не двигаются. — Подписал... или нет...

— Нет!!! — кричит клиент.

(Старуха замирает. Потом — улыбается. Медленно. Слишком широко.)

— Тогда... можно... взять... её!

Она делает шаг — и оказывается ближе, чем должна была.

Ещё шаг — и уже прямо перед ними.

— Бежим!!! —

(Но ноги не слушаются. Пол словно липкий, как если бы он был пропитан чем-то живым.)

Становится очень тихо А потом...

— Все. Снято! Все молодцы! Все свободны! Хорошо сегодня поработали!
Что такое? Я же велел выключить фоновые звуки! Звукооператор, вы что, не слышали меня?

(Резкий свет. Шум. Кто-то смеётся. Кто-то хлопает.)

— Все выключено. Просто этот дом очень старый.

— Странный какой-то звук, такой навязчивый! (режиссер не может сосредоточиться)
Так, что там про дом?

— Менеджер говорил, что хозяин дома ни в какую не соглашался, чтобы съемки проходили здесь, он говорил про какое-то проклятие, еще какую-то чушь нес про призрачную хозяйку дома! Еле уговорили!

— А, почему стало так темно, Вы какие-то софиты выключили?

— Нет. Мы их еще не успели выключить. Просто на улице уже ночь. Мы сегодня припозднились. Да и пасмурно как-то, зябко.

— Хорошо. Я понял. А почему артисты до сих пор здесь? И помощники возле двери столпились! Я же всех отпустил!

Режиссёр опускает руки и морщится.

— Я же сказал убрать звук стука! Кто его оставил?

— Мы ничего не включали — отвечает звукооператор — всё было чисто.

(Тук.)

Режиссёр замирает.

— ...Вы это слышали?

(Тук.)

— Это... из записи?

— Нет. Аппаратура выключена.

(Тук. Тук.)

— Ладно... — нервно смеётся режиссёр, пытаясь что-то вспомнить — что за дом вообще?

— Говорили, в доме живет голодный дух! Я уж говорил, хозяин дома не хотел нас пускать. Долго упрямился! Не хотел давать ключ от дома. Умолял нас передумать, потому что здесь нельзя проводить съёмку! Говорил что-то про то, что здесь умирали раньше в квартирах целыми семьями. Но у продюсера есть подвязки в криминальном мире, и старику пригрозили! Он сдался, но пытался все же отговорить нас! Говорил... Говорил... Про гу хун. Про хозяйку. Что она приходит, если кто-то «отзывается».

— А мы... отзывались?

(Тишина.)

— Ну... актёры же кричали...

(Тук.)

Теперь звук — за дверью.

— Почему так темно? Мы же свет не выключали?

— Не выключали...

(Софиты начинают мерцать. Камера сама включается. Красный индикатор записи загорается.)

— Почему камера работает?

— Мы её не трогали...

(Тук. Тук. Тук.)

Режиссер злится.

— Так почему же актеры до сих пор здесь? Им нужно срочно уехать на телевиденье!

— Я же вам уже отвечал на этот вопрос (смотрит внимательно на режиссера). Дверь не открывается! Что-то произошло, когда актер слишком сильно стукнул дверью. А потом был второй дубль, и он опять стучал дверью, а на третьем дубле дверь чуть не слетела с петель. И вот... Теперь... Не открывается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.